

Максим Пулькин

Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX — начало XX в.)¹

Российское законодательство никогда не предусматривало каких-либо ограничений в начальном образовании для так называемых «инородцев» — неславянского населения страны [Малиновский 1916: 119]. Самый ранний проект создания «инородческих» школ относится к 1723 г.: некто В. Симанов представил в Синод проект, состоявший из 13 пунктов и предполагавший распространение русского языка, подготовку к крещению язычников и укрепление в вере ранее окрещенных [Об обращении 1868: 145–146]. Проект остался нереализованным. Формирование системы церковно-приходских школ в России, начавшееся в 1836 г., изначально связывалось с решением ряда проблем, в число которых, особенно на первом этапе, до 1870 г., русификация не входила.

Задача школ состояла лишь в общеобразовательной и церковно-просветительской

Максим Викторович

Пулькин

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск;
Петрозаводский государственный университет

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

деятельности: *«Школы сии имеют целию утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»* [Правила 1898: 12]. Начальные учебные заведения существовали под надзором местного духовенства, получая средства от приходских попечительств, церковных братств, *«земских или других общественных или частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно из казны»* [Правила 1898: 13]. Однако вскоре (в 1870-е гг.) школы были оценены как могущественное средство распространения русского языка.

На общероссийском уровне эту идею наиболее отчетливо сформулировал казанский ученый-востоковед Н.И. Ильминский и горячо поддержал тогдашний министр народного просвещения граф Д.А. Толстой [Малиновский 1916: 137–138]. Позиция министра народного просвещения по вопросу об «иностранческой» школе видна из ряда его высказываний: *«Конечной целью образования всех иностранцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение»* (цит. по: [Куманев 1973: 59]). По его мнению, *«объединение всех народностей России»* могло быть достигнуто *«не путем приспособления к запросам отдельных народностей, а через прохождение их через правительственную однообразную для всех местностей России школу с государственным языком преподавания»* [Малиновский 1916: 127]. Не удивительно, что взаимопонимание между этими деятелями народного просвещения установилось быстро. Они предлагали сделать *«орудием первоначального обучения для каждого племени <...> родное наречие его»*. Учителями школ для «иностранцев» должны были становиться выходцы из местных народов или русские, владеющие иностранческим наречием. На втором этапе предполагался переход на русский язык: *«Как только усвоят себе довольно значительный запас русских слов и выражений, начинают обучаться русской грамоте»*. На третьем этапе предусматривался переход на русский язык и совместное обучение «иностранческих» и русских детей [Узаконение 1913: 20–21].

Все эти правила, очевидно, следовало применять и в Олонецкой губернии. Здесь церковно-приходские школы начали формироваться раньше, чем в других местах России. В 1836 г. Синод составил «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольнических детей», предназначенные первоначально для одной Олонецкой губернии [Рождественский 1902: 283]. Затем с соизволения императора эти правила были распространены и на другие части империи. При этом *«обязанность первоначального обучения поселянских детей возлагалась на приходское духовенство»* [Рождественский 1902: 284].

Поэтому и в Олонецкой губернии школы на первых порах оказались в подчинении духовного ведомства. Здесь сразу же обнаружились языковые проблемы. Как говорилось в рапорте епископа Олонецкого и Петрозаводского Игнатия, адресованном Синоду, среди карел Олонецкой епархии *«из женского пола по крайней мере две трети не умеют говорить иначе, как по-карельски. <...> Дети обоего пола говорят языком матерей»*¹. Это положение не было спецификой лишь Олонецкой губернии. В Яренском уезде Вологодской губернии местные власти в начале XX в. констатировали то же самое: *«Часть мужского населения [зырян. — М.П.] понимает русскую речь, <...> женщины же понимают ее слабо и по-русски вовсе не говорят»* [Освящение 1903: 50]. Исходя из этого грустного для местных духовных властей обстоятельства церковно-приходские школы должны были сыграть не последнюю роль в жизни Архангельской, Вологодской и Олонецкой епархий.

Между тем положение оставалось безрадостным. Повсеместно церковно-приходские школы столкнулись с заметными трудностями — отсутствием помещений и учебников. По данным отчета о состоянии Олонецкой епархии за 1861 г., существенной проблемой оставался также языковой барьер: *«Бедность и необразованность самих родителей и совершенное незнание русского языка служат также немалым препятствием к обучению детей»*². В Кемском уезде Архангельской губернии («Беломорской Карелии») проблема адаптации местного населения к русскому языку даже к началу XX в. оставалась весьма острой. По данным исследовательницы школьного образования О.П. Илюхи, даже после завершения учебного курса *«в отдельных школах из-за слабого владения русской речью половина и более учеников не допускались к выпускным экзаменам»* [Илюха 2000: 77].

В августе 1877 г. Петрозаводск посетил упоминавшийся выше министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. Он был известен своими взглядами на «инородческую» школу как орудие распространения русского языка. В данном случае он оставался верен себе. Заботясь об образовании *«невежественного карельского племени»*, населявшего, как ему стало известно, *«некоторые уезды Олонецкой губернии»*, он приказал *«принять надлежащие меры к учреждению начальных сельских училищ в местностях с карельским населением по образцу существующих ныне <...> одноклассных сельских училищ министерства народного просвещения»*. Приступая к исполнению предписаний на-

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 37.

² Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 66/1445. Л. 38.

чальства, местный директор народных училищ указывал в своем отношении олонецкому губернатору: *«Корельское племя по преимуществу населяет уезды Петрозаводский, Олонецкий и Повенецкий»*; *«в этих уездах состоят ныне не более 32 элементарных школ для корельского населения»*. Между тем *«число детей школьного возраста простирается в настоящее время до 4796 душ»*. Исходя из создавшегося положения директор признал необходимым *«устроить по крайней мере 16 школ в местностях с корельским населением»*.

Директор, по заверениям министра, мог рассчитывать на существенную финансовую поддержку «со стороны казны». Обещанные суммы покрывали только часть предполагаемых расходов. Поэтому директор обратился в уездные земские управы *«с ходатайством об изыскании средств со стороны земств к открытию и содержанию вновь проектируемых 16 начальных школ в местностях с корельским населением»*¹. Земские управы категорически отказались поддержать предложение министра и директора. Так, Петрозаводская управа *«не признала возможным открыть в будущем году названных училищ»*, но распорядилась *«просить ходатайства о преобразовании в образцовое земского училища Мунозерского»*. Олонецкое земское собрание *«при всем сочувствии к делу народного образования»* все же распорядилось отклонить просьбу директора, *«так как главные земские плательщики и без того обременены налогами»*².

Позиция родителей потенциальных учеников была еще одним фактором, препятствовавшим развитию образования. По данным из донесения олонецкого земского исправника в адрес губернатора, в карельских деревнях *«грамота в самом малом употреблении, и родители детей своих обучают для того только, чтобы они приносили со временем какую-либо пользу для поддержания быту их, что весьма редко удается, а затем они к предмету сему весьма равнодушны»*. Выслушав советы *«разумнейших людей»*, карелы, утверждал исправник, *«дают такие ответы, которые доказывают невыгодное мнение их о грамоте»*. Характерные высказывания приводились в этом же документе: *«пусть-ка дети придерживаются определенной им середины природою и будут скромнее и не испортят своей нравственности, а с грамотою пойдут бурлачить [т.е. работать по найму. — М.П.] и приобькнут всему дурному»*³.

Отчасти такое отношение к образованию сложилось под влиянием низкого уровня преподавания, характерного для мест-

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 11. Д. 33/35. Л.1–1, об.

² Там же. Л. 10, 11–11, об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 8/4. Л. 79.

ных домашних учителей: *«здесь обученный домашними учителями юноша оканчивает курс свой тем, что едва умеет читать и писать правильно, не понимая значения слов»*. Русский язык *«остается ему столько же неизвестным и при выпуске из класса, как был при вступлении в оный»*¹. Тупая зубрежка русских текстов провозглашалась своего рода нормой, важным этапом при изучении русского языка. Так, в 1916 г. совещание *«по вопросу о наилучшей постановке преподавания Закона Божия»* рекомендовало использовать в карельских школах *«механическое изучение первоначальных молитв»*, при одновременном объяснении непонятных учащимся слов на *«местном языке»* [Совещание 1916: 3]. После того как в Карелии начала развиваться сеть училищ с профессиональными педагогами, ученики-карелы постепенно начали приобщаться к школьному образованию и овладевать русским языком.

В Архангельской губернии сходные проблемы испытывали преподаватели «зырянских» школ. Здесь даже возник вопрос о внедрении четырехлетнего курса обучения. Обосновывая это предложение, Мезенско-Печерское отделение сообщало Училищному совету, что *«в помянутые школы поступают дети, большую часть не понимая русский язык»*. Поэтому учитель *«на первых порах своих занятий должен преподавать начатки того языка, на котором будет ведено общее обучение»*. Отсутствие знания русского языка заведомо обрекает «инородцев» на отсталость. Как говорилось далее в цитируемом документе, мало надежды на то, чтобы ученики, плохо знакомые с разговорным и литературным русским языком, *«по выходе своем из школы, могли заинтересоваться книгой и сохранили желание вести самостоятельно свое пошкольное образование»* [От Мезенско-Печерского отделения 1904: 194].

В другой части Архангельской губернии, на Кольском полуострове, задачей «инородческой» школы стало обучение саамов. Здесь она опиралась на энтузиазм отдельных представителей духовного сословия, а не на правительственные мероприятия. Начиная с 1886 г. священник Пазрецкого прихода К. Щеколдин *«решился по звуковому способу выучить лопарских детей самым употребительным молитвам, чтобы они их правильно читали и пели; он при каждом удобном случае собирал детей в одно место, произносил слова молитвы — дети повторяли вслед»* [Харузин 1890: 70]. Скоро у о. Щеколдина нашлись последователи во *«внутренних погостах русской Лапландии»*. С сентября 1889 г. началось обучение грамоте в только что освященной церковно-приходской лопарской школе в Нотозерском приходе

¹ Там же. Л. 79, об.

де Кольского уезда. Непродолжительное время спустя открылась третья школа — у лопарей Кильдинского погоста [Харузин 1890: 72].

К началу XX в. начинания в области образования стали более планомерными и в гораздо большей степени ориентировались на потребности «инородцев». Так, в Олонецкой губернии пристальное внимание уделялось использованию карельского языка в образовании. В докладной записке губернатора Протасьева на имя П.А. Столыпина указывалось, что для успешного противостояния панфинской пропаганде необходим ряд мер в образовательной сфере. Прежде всего, нужна модернизация существующей системы школ — создание *«целого ряда ночных приютов и общежитий»*, преобразование имеющихся одноклассных школ в *«министерские училища с повышенным — в шесть отделений — курсом»*. Поскольку, говорилось далее в записке, *«население глухих карельских местностей почти не говорит по-русски, учителю начальной школы в такой местности совершенно необходимо знать карельский язык, как для первоначальных занятий с детьми в школе, так, особенно, при устройстве бесед и чтений со взрослыми»*. Для достижения этой цели предполагалось учредить десять стипендий для «кореляков» при учительской семинарии в Петрозаводске.

В этом же документе говорилось о необходимости ввести в духовной семинарии и женском епархиальном училище *«изучение карельского языка для всех учеников и учениц, имевших в виду посвятить себя деятельности в Корелии»*¹. Но в то же время руководство органов образования категорически запрещало принимать меры, способствующие развитию карельского языка или просто повышающие его престиж. Инспектор народных училищ в мае 1907 г. наставлял своих подчиненных: *«Учитель карельской школы должен быть до некоторой степени знаком с карельским языком, чтобы понимать местное население и не особенно затрудняться для выяснения русских понятий детям»*. Этим следовало ограничиться: *«Ни в коем случае не должно быть допуская преподавание на карельском языке»*². В то же время учителя, вовсе не знавшие карельского языка, подвергались суровой критике. Так, один из участников съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий счел необходимым опубликовать свои замечания в адрес молодой сельской учительницы из Вокнаволока, которая, как он обнаружил при посещении школы, *«плохо знает местный карельский язык и совсем как будто незнакома с новыми методами*

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 3, об.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/1. Л. 141.

обучения в инородческих школах» [Панфинская пропаганда 1906: 45]. Через приобщение детей к русскому языку планировалось оказать влияние и на родителей.

Вскоре успехи школьного образования в некоторых местностях стали очевидными. С одной стороны, как отмечал олонецкий губернатор Протасьев, работа Повенецкого уездного земства в образовательной сфере была «прямо поразительна»: «С осени 1907 г., когда правительством было ассигновано пособие уезду на введение всеобщего образования, оно стало свершившимся фактом». В результате в этот же период, отчасти выдавая желаемое за действительное, олонецкий губернатор утверждал: «Почти все карельское население до 25-летнего возраста прошло народную школу и совершенно свободно говорит по-русски». Лишь среди женщин и стариков «встречаются иногда лица, плохо или совсем не говорящие по-русски, особенно в глухих деревнях»¹. Между тем, по данным этого же источника, сами карелы предпочитали обучение на русском языке. Губернатор лично посетил с. Реболы и беседовал с местным населением. «На вопрос, предложенный карелам, они ответили, что им очень приятно дополнительное богослужение на карельском языке (чтение Евангелия, Отче наш и проповедь), так как они лучше понимают по-карельски, но на вопрос — на каком языке они желают учиться в школе? — карелы в один голос (человек 200) ответили: „Мы сами русские и желаем учиться по-русски“»².

Тем не менее обучение русскому языку сопровождалось серьезными трудностями. Родители боялись утратить контроль над детьми в том случае, если последние, в отличие от них самих, получат систематическое школьное образование. Но не в меньшей степени они опасались того, что дети не смогут занять достойное положение в обществе. Они понимали: добиться определенного статуса в российском обществе можно было, только овладев русским языком. Здесь совпали интересы старшего и подрастающего поколения. Среди представителей финских народов Европейского Севера «говорить по-русски даже в родной культурной среде уже в конце XIX в. должно было означать принадлежность к „высшему“ обществу примерно так же, как у русских дворян конца XVIII–XIX в. говорить по-французски значило демонстрировать свою культурную общность с „Европой“» [Калинин 2000: 77].

Представление о престижности русского языка, русских форм времяпрепровождения проявилось в карельской деревне весьма отчетливо и на бытовом уровне, влияя и на образование.

¹ Там же. Л. 8–8, об.

² Там же. Л. 8.

К началу XX в. среди карельской молодежи получили распространение те же увеселения, что и у русских: *«Те же „беседы“ всю зиму с русскими песнями, частушками и плясками — „кадрель“, „водят утушку“»*. При этом, не освоив еще в совершенстве русский язык, карельская молодежь стремилась выучить русские плясовые, хороводные и *«утушные»* песни [В-гов 1913: 256]. Примечательно, что в Северной (Архангельской) Карелии роль престижного фольклорного произведения нередко исполняли финские песни, *«связанные с танцами»* [Богданов 1929: 78].

Получая столь отрадную информацию с мест, олонецкий губернатор совершенно не собирался поживать на лаврах. Собранное им совещание из представителей духовно-учебного ведомства, дирекции народных училищ и председателей земских управ *«пришло к заключению о необходимости еще целого ряда просветительных мер в Олонецкой Карелии»*. Предполагалось учредить 10 стипендий для *«кореляков при учительской семинарии в городе Петрозаводске, с специальной подготовкой их для деятельности в карельских школах в православно-русском направлении»*.

В Беломорской Карелии, относившейся в то время к Архангельской губернии, планировалось использовать для преподавания в школах финский язык. Таким способом пытались повысить престиж школ, сделать их более привлекательными для карелов. На это прямо указывают материалы Ухтинского съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий, состоявшегося в 1906 г. Делегаты съезда, идя навстречу пожеланиям карелов, высказывались за обучение детей финскому языку *«для более сознательного усвоения народом православного богослужения и веры», «для ослабления в карельских приходах пропаганды панфинства и протестантства»*. Планировалось *«ныне же ввести в церковных школах карельского края обучение финскому языку»*, а также *«возбудить ходатайство»* о создании *«передвижных школ»* для отдаленных деревень [Панфинская пропаганда 1906: 6].

Одновременно в начале XX в. активизировалась работа по подготовке кадров для «инородческих» школ. Так, отмена преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии была признана ошибочной: планировалось вновь ввести в духовной семинарии, в женском епархиальном училище и учительской семинарии в Петрозаводске, из которой выходили учителя и учительницы народных школ, *«изучение карельского языка для всех учеников и учениц, имеющих в виду посвятить себя деятельности в Карелии»*¹. Наконец, *«так как наре-*

¹ Там же. Л. 4.

чие карел Олонецкого уезда (в западной части губернии) настолько отличимо от карельского наречия северной части Повенецкого уезда, а также Кемского уезда Архангельской губернии, что те и другие карелы совершенно не понимают друг друга, то для обслуживания карельских школ Повенецкого и Кемского уездов совершенно необходимо было бы открыть учительскую семинарию в центре Северной Карелии в селе Ругозере или Паданах Повенецкого уезда»¹.

Аналогичные проекты выдвигались и в отношении «зырянских» школ. Профессор К. Жаков предлагал активнее использовать родные языки в «инородческой» школе. Он писал: «для инородцев необходимо преподавание в младших классах на их языке, а в старших — на русском. Тогда отношение к литературе русской было бы осмысленным, и ученик, пребывая в школе, не терял бы навсегда своей почвы». Существовавший порядок вещей он подвергал суровой критике: «В наши дни и в прошлые, когда преподавание начиналось сразу с русского языка, выходило то, что ученик, окончивший сельскую школу, не знал ни русского, ни зырянского языка». Но существовавшая система образования имела и более далеко идущие последствия: выпускник в итоге «не имел ни уважения к своей родине и быту крестьян, ни развития умственного» [Жаков 1915: 69].

В целом можно отметить, что именно школы, в том числе и церковно-приходские, стали одним из наиболее значимых центров массового обучения «инородческого» населения империи русскому языку. Появление школ стимулировало издательскую деятельность. Так, до 1914 г. в Петрозаводске, Санкт-Петербурге и Выборге было опубликовано «более 25 изданий религиозной тематики [на карельском языке. — М.П.] с использованием модифицированного русского шрифта» [Анттикоски 2000: 166]. Аналогичные цели ставили перед собой преподаватели церковно-приходских школ многих других российских епархий со значительным процентом «инородческого» населения, в том числе, например, Казанской [Мироносицкий 1903: 12].

Использование карельского языка в учебном процессе в значительной степени опиралось на энтузиазм преподавателей школ. На этот факт неоднократно обращала внимание епархиальная пресса. «Учащие инородческих школ, — утверждали авторы заметки в 1904 г. в «Архангельских епархиальных ведомостях», — глубоко чувствуют необходимость усвоения учениками русской речи, необходимость как для ближайших целей обучения, так и для целей образовательных» [От Мезенско-Печер-

¹ Там же.

ского отделения 1904: 195]. В некоторых случаях учителя не ограничивались только воспитанием детей, но старались удовлетворять культурные запросы выпускников сельских школ. Так, учителя из Видлицкой волости пришли к выводу о том, что *«существующие при школах библиотеки удовлетворяют лишь читателей школьного возраста, по выходе же из школ им читать нечего, и потому все пройденное в школе в скором времени забывается»*. Между тем население по другую сторону границы имеет возможность читать «взрослую» литературу. Как говорилось в рапорте губернатору от олонецкого уездного исправника, *«в соседних финских школах и вообще в Финляндии можно пользоваться и доставать чтение, вполне удовлетворяющее и взрослых читателей, что известно также и здешнему населению»*¹.

Для того чтобы успешнее противостоять распространению финской культуры, учителя решили создать «Образовательное общество». Фактически целями общества стала, во-первых, попытка не позволить населению *«пользоваться литературой финского происхождения»* и, во-вторых, приучить *«местное карельское население к осмысленному пониманию русской речи»*. Конечно, выполнение поставленной задачи требовало серьезных познаний в карельском языке. Учителя — создатели общества — обладали необходимой для этой цели квалификацией: еще до создания общества они нередко собирали учащихся и местное население в училище и совместно исполняли на карельском языке песнопения и другие молитвы².

В целом, опираясь на значительный опыт преподавательской деятельности, учителя довольно оптимистично оценивали перспективы распространения русского языка в карельской среде. Так, юшкозерский священник писал в 1912 г.: *«Как и все карелы, прихожане — народ сметливый, но малоразвитый, и в то же время обладающий изумительной способностью к изучению языков»*. В течение года пребывания в Финляндии почти каждый карел *«вполне усваивает»* финский и отчасти шведский языки, а побывав в Америке, *«карел скоро привыкает говорить по-английски»*. Он же отмечал, что учащиеся на второй год обучения, разговаривая дома только на родном языке, *«удовлетворительно для инородцев начинают объясняться по-русски, хотя и с неизбежными неправильностями. Можно надеяться, что уже скоро и русский язык в нашей Карелии получит право гражданства, совершится важный шаг по пути обрусения, особенно же ускорит этот процесс ожидаемая дорога, и тогда*

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107/89. Л. 3.

² Там же. Л. 24.

финские сепаратисты уже не найдут почвы мечтать о слиянии с карелами» [Юшкан-ярвен паппи 1912: 133].

Усилия учителей в соседней Вологодской епархии также оказались не напрасными. Итогом их деятельности стала как подготовка интеллигенции из числа коренных народов, так и создание литературы. По мнению исследователя истории коми П. Домокоша, благодаря школам коми стали *«богаче и подвижнее русских, цивилизованнее, просвещенней южных соседей — братьев удмуртов; во второй половине XIX в. они уже располагали значительной литературой, а 1917 г. встретили с более многочисленной и подготовленной интеллигенцией, чем иные»* (Цит. по: [Калинин 2000: 59]).

Таким образом, к концу XIX в. на Европейском Севере России возникла система учреждений народного образования, целенаправленно и систематически работавшая во имя приобщения «инородцев» к русскому языку. Деятельность школ с самого начала приобрела парадоксальный характер. По ироническому замечанию современника, *«отличие инородческой школы от неинородческой заключается лишь в том, что в одной из них (великорусской) узаконено преподавание на родном языке, а в другой — воспрещено»* [Зеленко 1916: 8].

Парадокс заключался и в другом. Школы предназначались для постепенного вытеснения «инородческих» языков из повседневного обихода местного населения. В Карелии эта задача еще более усложнялась: здесь предполагалось поставить заслон распространению финского языка и лютеранской пропаганды. Но в реальности еще в советское время бытовало мнение о том, что русские школы *«способствовали распространению и финской грамотности»*, поскольку человек, знавший русскую грамоту, приобретал тягу к образованию и впоследствии *«самостоятельно изучал финский язык»* [Богданов 1929: 76]. Кроме того, именно в процессе формирования системы учебных заведений возникла та часть местной интеллигенции, благополучное существование которой напрямую было связано с сохранением родных языков.

Библиография

Анттикоски Э. Проблема карельского языка в деятельности карельского национального движения в Финляндии (1905–1945 гг.) // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 165–171.

Богданов Г.Х. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии. По материалам Северо-Западной Этнологической экс-

- педиции Академии наук // Карельский сборник. Л., 1929. С. 67–81.
- В-гов А. О Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 6. С. 253–256.*
- Жаков К. Пути возрождения Русского Севера вообще и в частности зырянского края // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 3. С. 67–69.*
- Зеленко В. Что такое инородческая школа? // Инородческая школа: Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 3–16.*
- Илюха О.П. Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 64–87.*
- Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.*
- Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М., 1973.*
- Малиновский Н.П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа: Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 119–157.*
- Мироносицкий И. Об улучшенной постановке миссионерского дела. Казань, 1903.*
- Об обращении в православную веру вотяков, мордвы и других инородцев // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. 145–146. Приложение № XVI.*
- Освящение здания двухклассной церковно-приходской школы в селе Онежье Яренского уезда // Вологодские епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 48–51.*
- От Мезенско-Печерского отделения. Распределение учебного материала по предметам одноклассной церковно-приходской школы в зырянских школах // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. С. 194–206.*
- Панфинская пропаганда в Русской Карелии. СПб., 1907.*
- Правила о церковно-приходских школах. Высочайше утверждены в 13 день июня 1884 г. // Сборник правил о школах церковно-приходских и грамоты. С относящимися к ним определениями и указами св. Синода, Училищного при оном Совета и Новгородского епархиального начальства. СПб., 1898. С. 3–23.*
- Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения (1802–1902 гг.). Т. 1. СПб., 1902.*
- Совещание по вопросу о наилучшей постановке преподавания Закона Божия в русских начальных училищах Министерства Народного Просвещения в Финляндии // Карельские известия. 1916. № 13. С. 3–5.*
- Узаконение мнений Н.И. Ильминского в высочайше утвержденных*

26 марта 1870 г. правилах о мерах к образованию инородцев и в действующих ныне правилах 1 ноября 1907 г. об инородческих начальных училищах // Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. 20–28.

Харузин Н. Русские лопари (Очерк прошлого и современного быта). М., 1890.

Юшкан-ярвен пиппи А.П. Юшкозерский приход Кемского уезда (К вопросу о современном состоянии карельских приходов) // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 5. С. 132–133.